

Сирота Наум Михайлович

ГЕОСТРАТЕГИЯ КИТАЯ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ

В статье анализируются геополитические аспекты стратегии "возвышения" Китая и перспективы возникновения новой биполярности (США – КНР). Рассматриваются существующие в экспертном сообществе оценки и прогнозы относительно возможной роли Китая в глобализирующемся мире. Излагается авторское видение основных векторов внутренней и внешней геополитики Китая. В контексте геостратегии КНР показана императивность модернизации России как условия обеспечения её статуса одного из центров силы полицентрического мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 191-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

POTESTAS MYTHOLOGY AS SOURCE OF IDEAS ABOUT PUBLIC
AUTHORITY SACRAL CHARACTER IN TRADITIONAL SOCIETIES CULTURES

Sannikov Sergei Viktorovich, Ph. D. in History
Siberian Institute of International Relations and Regional Studies
Sannikov_SV@yahoo.com

In the article it is suggested that one should single out potestas mythology section – mythological ideas complex about public authority divine origin – besides four main sections traditionally singled out by researchers within archaic sacral mythology limits (theogony, cosmogony, anthropogenesis, history genesis). The author substantiates the differentiation appropriateness of potestas, ethno-genetic and political mythology on the basis of the written monuments of Antiquity and the Dark Ages.

Key words and phrases: mythology; traditional society; genealogy; ethno-genetic myth; royal power.

УДК 32

Политология

В статье анализируются геополитические аспекты стратегии «возвышения» Китая и перспективы возникновения новой биполярности (США – КНР). Рассматриваются существующие в экспертном сообществе оценки и прогнозы относительно возможной роли Китая в глобализирующемся мире. Излагается авторское видение основных векторов внутренней и внешней геополитики Китая. В контексте геостратегии КНР показана императивность модернизации России как условия обеспечения её статуса одного из центров силы полицентрического мира.

Ключевые слова и фразы: Китай; Россия; геостратегия; геополитический приоритет; сверхдержава; биполярность; «мягкая сила».

Сирота Наум Михайлович, д. полит. н, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
sirotanm@mail.ru

ГЕОСТРАТЕГИЯ КИТАЯ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ©

Важнейшим мегатрендом современного этапа развития человечества стал процесс перераспределения силы и влияния между ведущими мировыми акторами. Высокая динамика процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе, превращает его в важнейший центр мировой политики, как минимум сопоставимый с евро-атлантическим пространством, а в перспективе 15-20 лет способный опередить по ряду показателей.

Значительную роль в изменении глобального баланса сил в пользу АТР играет Китай – страна с гигантским совокупным потенциалом, позволяющим стать лидером в Восточной Азии и участвовать в формировании геополитической картины мира. Различные аспекты проблемы места и роли Китая в международной системе исследованы отечественными востоковедами А. В. Виноградовым [2], А. Д. Воскресенским [3], Ю. М. Галеновичем [4], М. В. Мамоновым [10] и др., зарубежными учёными П. Бардханом [14], Ф. Бергстеном, Б. Гиллом, Н. Ларди, Д. Митчеллом [1], Р. Капланом [7], Г. Киссинджером [8; 17], Рексом Ли [18], М. Свэйном и А. Тэллсом [19] и др. В предлагаемой статье рассматриваются современная геостратегия Китая и в её контексте геополитическое позиционирование России.

В настоящее время Китай обладает гигантскими ресурсами для усиления своего влияния на мировые процессы и геополитического «возвышения».

1. Демографический: наиболее многочисленное население (более 1 млрд 300 млн человек).
2. Территориальный (9560 тыс. кв. м.), третий в мире, уступающий только России и Канаде.
3. Экономический: вторая экономика мира после США по количественным показателям с высокой динамикой роста на протяжении двух последних десятилетий (около 9% ежегодно до 2009 г.) [14, с. 36], один из крупнейших производителей товаров повседневного спроса.
4. Выгодное географическое положение, дающее возможность распространять влияние на суше и на море: от Центральной Азии до Южно-Китайского моря, от российского Дальнего Востока до Индийского океана.
5. Интенсивно модернизируемый военный потенциал, включающий ракетно-ядерное оружие и стремительно наращиваемый военно-морской флот.
6. Статус постоянного члена Совета Безопасности, располагающего правом вето.
7. Обширная диаспора, обладающая значительными финансовыми возможностями.

Китай идентифицирует себя как «ответственную мировую державу», отстаивающую идею создания «гармоничного мира», решения глобальных и региональных проблем в интересах мирового сообщества. Он дистанцируется от предложения американских политологов Зб. Бжезинского [16] и Г. Киссинджера [17] о выстраивании отношений всеобъемлющего сотрудничества с Соединёнными Штатами в режиме «большой двойки».

При преобладающем глобальном тренде мировой политики к полицентризму нельзя исключать того, что на смену ему придёт биполярность в новой форме, в которой роль «полюсов» сыграют, соответственно, США и Китай. Такая перспектива по ряду причин представляется маловероятной или отдалённой во времени.

1. Существенное отставание Китая от Соединённых Штатов по важнейшим показателям развития, более отсталая структура с преобладанием традиционных производств, меньшей долей наукоёмкого сектора и сферы услуг.

2. Действие факторов, способных замедлить превращение Китая во вторую сверхдержаву, – нехватка сырья и энергоресурсов, хрупкость финансовой системы и государственного сектора экономики, ухудшение экологии, социальные дисбалансы, старение общества.

3. Зависимость Китая от морских поставок и уязвимость маршрутов импорта энергоносителей.

4. Сепаратизм в ряде китайских регионов (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия), имеющих стратегически важное значение буфера между границей и ханьским (китайским) центром.

5. Отсутствие перспектив формирования антиамериканского военно-политического блока во главе с Китаем (с позиций *realpolitik* БРИГС в этом качестве немыслим).

6. Противоречия и территориальные споры Китая с соседними государствами – Японией, Вьетнамом и Филиппинами.

7. Достаточно устойчив альянс Америки и Европы, консолидации которого может способствовать создание нового объединения – Зоны свободной торговли (ЗСТ), которая стимулирует экономику по обе стороны Атлантики.

8. Курс США на создание противовесов растущей мощи Китая в лице Индии и Японии («ядерная сделка» с Индией, военно-политические альянсы с Японией и Южной Кореей).

Учитывая ту роль, которую в геополитическом «возвышении» Китая играет «морское возвышение» – наращивание военного и экономического присутствия в дальних морях и океанах, узким местом в его стратегии является тот факт, что он никогда не был великой морской державой и его интересы ограничивались исключительно прибрежными водами. Для освоения дальнего морского зарубежья нужны не только современный флот, но и многолетний опыт морских походов, военно-морская школа и определённые исторические традиции.

При очевидных экономических успехах Китая в экспертном сообществе усиливаются сомнения в перспективности модели развития этой страны. Констатируются такие реалии, как замедление темпов экономического развития в последние годы, слабо развитая инфраструктура, высокий удельный вес аграрного сектора в экономике, преобладание в промышленности заимствованных иностранных технологий и сборочных производств, простор для бюрократического произвола [5; 15]. Высказываются сомнения в способности существующей политической системы адаптироваться к росту социального плюрализма и появлению многочисленного среднего класса [13, с. 378-379]. Прогнозируется возможность внутренней дестабилизации страны, которая будет иметь глобальные последствия.

Российские ученые А. А. Дынкин и В. И. Пантин полагают, что в ближайшие годы, примерно до 2020-х гг., Китай будет догонять США по производству ВВП (но не на душу населения и не по вложениям в науку, образование и медицину), а затем наступит перелом. Опираясь на новейшие технологии и пользуясь нарастающим внутренним дисбалансом в Китае, США вместе с Японией и «тиграми» Юго-Восточной Азии смогут вновь серьёзно потеснить КНР. В этом случае США вплоть до 2030-2040-х гг. сохранят своё лидерство, но будут вынуждены всё больше считаться с растущей экономической и военной мощью КНР [5, с. 102].

В современной политике, религии и истории Китая не просматриваются претензии на глобальное доминирование. Однако естественная логика становления великой державы и прежде всего потребности экономического развития могут придать агрессивность его будущему курсу. Декларируемый руководством переход на качественно новый уровень развития, главным показателем которого должен стать подъём жизненного уровня населения, реализуем путём получения доступа к колоссальным природным ресурсам.

Представляется, что Китаю будет тесно в своих границах и на пути к их расширению он вполне может пойти на военные конфликты. Экспансия с его стороны возможна необязательно только на Север. Можно предположить, что объектом экспансии станут и государства, расположенные в Юго-Восточной Азии. При этом под расширением следует понимать не только захват территорий, но и контроль над ресурсами и режимами.

Вряд ли следует рассчитывать на соблюдение Китаем международных договоров в ситуациях резкого обострения социально-экономической обстановки в стране, т.е. на жесткий контроль власти над миграцией населения в сопредельные государства.

Если в минувшие десятилетия Китай претендовал на региональное лидерство, то в настоящее время в своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности он стремится присутствовать на всех континентах, особенно в Азии, готовится к активному наступлению глобального характера. Особое внимание уделяется присутствию на океаническом побережье повсюду – от Арктики до Антарктиды.

Человечеству предлагается вместо национальных идей или интернациональной идеологии принять в качестве универсального ориентира «Мечту Китая», понимаемую как социализм китайского образца. Добиваясь объединения человечества под эгидой Китая, идеологи КПК заявляют о стремлении в дополнение к существующей сухопутной, или континентальной, цивилизации создать новую цивилизацию – «морскую», и на этом пути «превзойти вклад Запада». Ставится задача добиваться выхода Китая в Мировой океан и признания его на побережье всех континентов главной морской державой [4].

На наш взгляд, правы те исследователи, которые прогнозируют рост не только экономического, но и военно-политического экспансионизма со стороны Китая. Отечественные учёные, авторы «Стратегического глобального прогноза 2030» полагают, что в долгосрочной перспективе внешняя политика Китая станет активно-агрессивной, а для её реализации в первую очередь будут использоваться стремительно увеличивающиеся финансово-экономические ресурсы, а не возрастающая военная мощь [13, с. 380].

Этот прогноз разделяется и известными американскими аналитиками. Можно согласиться с мнением американских аналитиков М. Свэйна и А. Теллиса о том, что нынешняя «расчетливая стратегия» (calculative) имеет шанс продлиться по меньшей мере несколько ближайших десятилетий, а в дальнейшем станет более напористой (assertive) [19]. Заслуживает внимания и аналогичная точка зрения американского ученого Р. Каплана, который апеллирует к предупреждению одного из создателей геополитики Х. Маккиндера о возможном распространении влияния Китая на обширные пространства Земли вплоть до завоевания России и ссылается на стремительное упрочение позиций этой страны в различных регионах Евразии и Африки, богатых природными ресурсами [7, с. 71].

Китайское руководство пытается рассеять опасения мирового сообщества в отношении возможности территориального экспансионизма со стороны Китая по мере упрочения его глобальных позиций. Оно прилагает значительные усилия для формирования позитивного имиджа страны, заинтересованной в создании «гармоничного общества» и «гармоничного мира» за его пределами. С этой целью широко используется инструментарий «мягкой силы» – пропаганды духовных ценностей и достижений модернизации, особенно «экономического чуда» [9]. Термин «мягкая сила», заимствованный у американской политической науки, стал частью официального партийного лексикона.

Руководители Китая смотрят на мир сквозь призму геополитической конкуренции и баланса сил, но еще не руководствуются стратегическим видением, а сдержанно и осмотрительно реагируют на происходящие события. Им ещё предстоит выработать целостное представление о статусе страны в глобальной политике.

Британский ученый Рекс Ли, анализируя китайское видение международной системы и места в ней Китая, пришел к заключению, что идущие в этой стране дискуссии о концепции «мирного возвышения» не дают убедительного ответа на вопрос о том, является ли эта концепция лишь краткосрочным тактическим ходом, призванным усыпить бдительность других государств, или все же представляет собой долгосрочную стратегию, предполагающую отказ от использования силовых методов достижения великодержавного статуса. Он избегает высказывать прогнозы относительно будущей внешнеполитической стратегии Китая: «Существует слишком большое количество переменных, влияющих на дальнейший ход развития Китая, его внутреннюю и внешнюю политику» [18, р. 226].

Следуя конструктивистской методологии, Рекс Ли предлагает международному сообществу способствовать формированию идентичности Китая как «ответственной мировой державы», для чего считает необходимым содействовать интериоризации им норм международного права. Превращение этих норм в значимую часть идентичности повлечёт за собой трансформацию национальных интересов и в перспективе снизит вероятность агрессивного поведения [Ibidem, р. 227].

В настоящее время просматриваются основные векторы внутренней и внешней геополитики Китая. Внутри страны они связаны с обеспечением целостности и процветания будущей сверхдержавы.

1. Поддержание единства в ханьских регионах.
2. Осуществление контроля над буферными регионами (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия).
3. Защита побережья от иностранных посягательств.
4. Воссоединение (по возможности мирными средствами) с Тайванем.

Векторы геополитики Китая за пределами его национальных границ, с нашей точки зрения, таковы:

1. стремление обеспечить военное и экономическое лидерство в Тихоокеанской Азии, фокусирование на развитии военно-морского флота;
2. территориальные притязания на спорные острова в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях;
3. укрепление позиций в Центральной Азии, особенно с помощью Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и в бассейне Каспийского моря;
4. противодействие объединению влиятельных демократических государств – США, Японии, Индии и Австралии, стремящихся в духе «реальной политики» уравновесить Китай и ШОС;
5. расширение экономического и культурного присутствия по всему миру (Африка, Латинская Америка, Восточная Европа), создание опорных точек во многих странах;
6. стремление обрести авторитет и влияние в развивающемся мире, геополитически оставаясь его частью и позиционируя себя в качестве защитника угнетённых народов;
7. курс на стратегическое партнёрство со странами-экспортёрами энергоносителей;
8. обеспечение безопасности морского транспортного «коридора» от Ближнего Востока до Южно-Китайского моря;
9. проецирование комплексной мощи на космическую сферу геополитики;
10. более активная и агрессивная дипломатия как средство реализации внешнеполитических и геостратегических целей.

В контексте формирующейся геостратегии КНР закономерен вопрос о характере взаимодействия между Китаем и Россией. Наиболее распространённая точка зрения в Китае на отношения с соседним государством – «не конфликтовать и не объединяться». В соответствии с внешнеполитическими постулатами 18 съезда КПК, состоявшегося в конце 2012 – начале 2013 г., двусторонние отношения сохранят свою нынешнюю логику развития и будут сочетать в себе компоненты стратегического и тактического сотрудничества и соперничества.

При сохранении нынешней преимущественно сырьевой экономики Россия будет нуждаться в стабильно растущем рынке сбыта энергоносителей. По мере ослабления зависимости Запада от российских энергоносителей в связи с разработкой в США сланцевого газа на роль главного их импортера может выдвинуться Китай. К диверсификации источников снабжения энергоносителями его будет подталкивать и вероятный рост напряженности в отношениях с США.

В результате Россия может оказаться в ситуации политического выбора между Западом и Китаем. Перспективнее в смысле *realpolitik* и естественнее в плане социокультурной ориентации на страны Запада, что констатировалось нами в ряде публикаций [11; 12]. Однако нарастающая конфронтация российского руководства с американским сужает для России возможности разумного геополитического выбора. Наметившийся в последнее время откат России от идеи европейской идентичности к «евразийству» и разворот к Азии, прежде всего к Китаю, видимо, вызваны стремлением постсоветской номенклатуры оградить существующую политическую и экономическую системы от давления со стороны формирующегося гражданского общества, ориентированного на опыт и содействие Запада в контексте европейского выбора.

Азиатский «крен» в российской политике и тем более установление квазисоюзнических отношений с КНР чрезвычайно опасны для России в связи с перспективой оказаться зависимым, «младшим» партнером авторитарного государства. Такой сценарий способен не только негативно отразиться на статусе страны как одного из центров силы полицентрического мира, но и поставить под угрозу её территориальную целостность.

Для существенного повышения геополитического и геоэкономического потенциала России и сохранения её восточных регионов представляется продуктивной парадигма освоения Сибири, предлагаемая отечественными экспертами В. И. Иноземцевым, И. В. Пономарёвым и В. А. Рыжковым, – индустриализация и новое научно-техническое развитие благодаря перераспределению сырьевых доходов в пользу региона и привлечение высоких технологий из Южной Кореи, Японии и Соединённых Штатов [6].

Выбор в пользу этого пути позволит осуществить историческую миссию России в регионе – «замыкание» «Северного кольца» – союза современных демократических государств от Европы через Россию и Японию к Соединённым Штатам. Атлантический блок, состоящий из США и стран ЕС, должен дополниться Тихоокеанским блоком, включающим Россию, Японию и Соединённые Штаты. Китай же останется важным торговым партнером России, покупающим у неё не сырьё и энергоносители, а продукцию высокотехнологичных отраслей сибирской промышленности. Такое развитие позволит Сибири позиционироваться как «Европе в Азии», мосту, соединяющему не Россию и Китай, а Европу и Америку.

В новых условиях Сибирь может превратиться в центр промышленного роста и развития экономики, аналогичный Калифорнии на Западном берегу Тихого океана. В этом случае Россия, как и Соединённые Штаты, стала бы страной, основные центры которой тяготели бы к двум великим океанам и были ориентированы, соответственно, на европейский и азиатский рынки. Именно такой видится устойчивая геополитическая конструкция России в XXI веке и новая российская идентичность, по своим основам европейская, а по направленности – глобальная и космополитическая.

Список литературы

1. Бергстен Ф., Гилл Б., Ларди Н., Митчелл Д. Китай: что следует знать о новой сверхдержаве. М.: Институт комплексных стратегических исследований. 2007. 256 с.
2. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. 363 с.
3. Восток и политика / гл. ред. А. Д. Воскресенский. М.: Аспект Пресс, 2011. 665 с.
4. Галенович Ю. М. «Великое возрождение» и «Морская цивилизация» Китая // Свободная мысль. 2013. № 3. С. 101-112.
5. Дынкин А., Пантин В. Мирное столкновение. США и КНР: за какой моделью будущее? // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. Март-Апрель. С. 96-108.
6. Иноземцев В. И., Пономарёв И. В., Рыжков В. А. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. 2012. № 6. Ноябрь-Декабрь. С. 82-95.
7. Каплан Р. География китайской мощи. Как далеко может распространиться влияние Китая на суше и на море? // Россия в глобальной политике. 2010. № 4. Июль-Август. С. 68-82.
8. Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2012. 635 с.
9. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С. 149-155.
10. Мамонов М. В. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3 (24). Сентябрь-Декабрь. С. 30-39.
11. Сирота Н. М. Внешнеполитические ориентиры российских либералов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. № 5 (19). Ч. 2. С. 174-179.
12. Сирота Н. М. Геостратегия России в полицентрическом мире // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. № 6 (20). Ч. 2. С. 174-181.
13. Стратегический глобальный прогноз. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. 480 с.
14. США – Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 4. С. 25-40.
15. Bardhan P. Awakening Giants, Feet of Clay: Assessing the Economic Rise of China and India. New Delhi, S. E.: Oxford University Press, 2011. 192 p.
16. Brzezinski Zb. The Group of Two That Could Change the World // Financial Times. 2009. January 13.
17. Kissinger G. The Change for a New World Order // The New York Times. 2009. January 01.
18. Rex Li. A Rising China and Security in East Asia: Identity Construction and Security Discourse. London, 2009. 297 p.
19. Swaine M. D., Tellis A. J. Interpreting China's Grand Strategy. Past, Present and Future. N. Y.: Rand Publishing, 2000. 308 p.

CHINA GEO-STRATEGY AND RUSSIA POSITIONING

Sirota Naum Mikhailovich, Doctor in Political Sciences, Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
sirotanm@mail.ru

The geo-political aspects of China "rise" strategy and the perspectives of new bipolarity (USA – PRC) appearance are analyzed in the article. Assessments and prognoses concerning China possible role in the globalizing world that exist in expert community are considered. The authorial view of China home and foreign geo-policy main vectors is stated. Russia modernization categoricity as the condition of its status support as one of the polycentric world power centres is shown in the context of the PRC geo-strategy.

Key words and phrases: China; Russia; geo-strategy; geo-political priority; superpower; bipolarity; "soft power".

УДК 165.62; 17.0

Философские науки

В работе исследуется вопрос о состоянии универсальной этической расположенности. Проблема рассматривается в ракурсе аксиом кантовской деонтологии и учения об этике доброй (автономной) воли, которые реализуются исключительно благодаря практическому разуму как гносеологической позиции, различающей сущностную связь-единство феноменального и ноуменального миров и, соответственно, в ракурсе гуссерлианской интенциональности аподиктического разума, предполагающего виртуозное владение методом трансцендентально-феноменологической редукции. Постулируется аподиктическая значимость соучастия в бодрствующей коммуникативности, благодаря которой происходит непрерывный процесс взаимоактуализации, пробуждающей демиургическую (творческую, этическую) сущность человека.

Ключевые слова и фразы: абсолютная этическая расположенность; трансцендентальная философия; автономия и гетерономия; субъективность; самосознание; разум; редукция; естественная и феноменологическая установка сознания; интенциональность; бодрствующая коммуникативность; взаимоактуализация.

Скутин Антон Сергеевич

Тюменский государственный нефтегазовый университет
a_s_skutin@mail.ru

**СОСТОЯНИЕ АБСОЛЮТНОЙ (УНИВЕРСАЛЬНОЙ) ЭТИЧЕСКОЙ РАСПОЛОЖЕННОСТИ
В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА И Э. ГУССЕРЛЯ©**

Самосознание и сознание чужого неразрывны.

Э. Гуссерль

Постепенно структурируемая этическая наука в силу ее сущностно-праксиологической значимости и ориентированности на аподиктическое знание, а также в силу соответствующего этому знанию отношения к жизненному миру всегда занимала место животворящего ядра философии. Речь идет об этическом как смысловом центре философии, сохраняющей «великую интенцию, направленную на постоянное осуществление идеи "philosophia perennis", истинной и подлинной универсальной науки из подлинного обоснования» [5, с. 263]. Философская этика всегда была нацелена на то, чтобы помочь человеку в обретении и формировании определенной внутренней расположенности (позиции) и вытекающего на ее основе подлинно этического отношения к мирозданию. Традиционно общезначимым критерием такой расположенности являлась живая устремленность к Истине, а также Ее этическим началам. Возникающие в результате интенциональной сосредоточенности на поиске Истины отношения, как правило, предполагали в своем основании искреннее желание их соучастников помочь пробудить друг в друге связанную с Ней демиургическую сущность человека. При этом соучастники всегда стремились учитывать важность постоянного аподиктического прояснения основоположений таких отношений, в частности чистоте внутренней расположенности. В чистых, подлинно этических отношениях формировалась личность, способная воплощать должное (сущность) в сущем (факт), созидать в реальности жизненного мира и ей гармонизировать, когда в творческом взаимодействии действительно реализовывался присущий нашей изначальной природе колоссальный духовный потенциал.

Таким образом, в качестве главенствующей проблемы исследования рассматривается решение центрального для философской этики вопроса об универсальной внутренней расположенности с опорой на результаты, достигнутые И. Кантом и Э. Гуссерлем в их картезианских (устремленных к Истине) изысканиях. Исследование проблемы абсолютной этической расположенности как внутренней (автономной) позиции, сродни поиску сущности древнегреческого анамнезиса (припоминания) изначального состояния арете (изобилия, добродетели, совершенства) как процесса ученичества (пайдейя), позволяющего проявить исходно-аподиктическое знание.